В ПЛЕНУ ПРОШЛОГО

АВТОР
ВИКТОР СТАЛЬ

Виктор Сталь

В плену прошлого

«Автор»
2026

Сталь В.

В плену прошлого / В. Сталь — «Автор», 2026

Эта история расскажет нам об одном человеке и его прошлом. И от истории воспоминаний, которые он бережно хранит в своем сердце, невозможно остаться равнодушным. Это взгляд сквозь десятилетия на события, изменившие целую жизнь, и на память, которая не угасает с годами.

© Сталь В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прошлое 5
Глава 2. Людмила 12
Глава 3. Людмила и Владимир 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Виктор Сталь
В плену прошлого

Глава 1. Прошлое

I. Роковые воспоминания

Михаил сидел в кресле-качалке, медленно покуривая туго набитую табаком трубку. Скрипучее кресло мирно покачивалось. В свои восемьдесят восемь лет он часто ловил себя на том, что подолгу смотрит куда-то в пустоту, неподвижно держа трубку в руке. Шел 2010 год. В кресле оставалась лишь его старая, уставшая оболочка, в то время как мысли уносились далеко в прошлое, к воспоминаниям почти семидесятилетней давности. 5 июля 1942 года. В то время он был совсем молодым двадцатилетним пареньком — высоким, под сто девяносто сантиметров, со слегка сутулой фигурой, худощавым лицом и ярко-голубыми глазами. Михаил помнил тот день до мельчайших подробностей. Они с матерью жили на ферме. Он как мог помогал ей в поле и кормил скотину. Отец ушел на фронт еще полгода назад. Первое время от него регулярно, каждый месяц, приходили письма, но последние два месяца не было ни весточки. В тот день, закончив кормление животных, Михаил выпрямился, потянулся и немного размялся. Достав из кармана платок, он вытер пот со лба — на улице стояла удушливая жара, термометр показывал двадцать восемь градусов. Спрятав платок обратно, парень повернулся к бочкам с водой. Он подумал, что сейчас подойдет к ним, окатит голову прохладной водой, чтобы освежиться, и снова примется за работу. Неторопливо шагая в сторону бочек, Михаил повернул голову налево. Там раскинулись поля — их собственного и соседского — за полями, стеной тянулся хвойный лес. Среди темных елей и раскидистых кленов кое-где мелькали белые стволы с черными отметинами — родные, знакомые с детства березы. Повернул голову направо – там стояла их избушка. Черная, обветшалая, слегка провисшая от времени. Дому было уже восемьдесят лет: в свое время он достался родителям еще от дедушки и бабушки со стороны отца. Возле входа, прямо на крыльце, ютились письменный столик и маленькая табуретка. На ней сидела мама Михаила. С уставшим лицом она медленно перебирала старые письма отца, перечитывая их одно за другим. Ее звали Людмила. В свои сорок восемь лет она была невысокой, около ста пятидесяти восьми сантиметров, слегка полноватою с округлым лицом. Заметные морщины выдавали годы тяжелой работы, вечных переживаний и непростой жизни в целом, но карие глаза по-прежнему сохраняли глубокую выразительность, когда она всматривалась в строчки. Пока отец оставался дома, Людмила была жизнерадостной, счастливой женщиной, которая постоянно смеялась и дарила всем свою красивую улыбку. Но стоило ему уйти на фронт, как она почти перестала улыбаться, замкнулась в себе и с головой ушла в работу. Михаил подошел к бочкам с водой, окунул голову, а затем полез в карман. Достал платок и принялся медленно вытирать лицо, после чего спрятал его обратно. К матери он направлялся не спеша, чутко прислушиваясь к звукам природы: пению птиц и шелесту листвы. Легкий ветерок нежно обволакивал кожу.

Подойдя ближе, он тихо спросил:

— Мама, от отца больше весточек не было?

Людмила подняла голову, и ее взгляд встретился со взглядом сына. Парень сразу заметил странное выражение ее лица — казалось, она только что плакала.

— Мишенька, отец мертв. Тело привезут через три дня, — ее голос задрожал. Плечи женщины судорожно заходили ходуном, а из глаз хлынули слезы.

— Мишенька, наш папа мертв! — повторила она сорвавшись.

Михаил почувствовал давящую боль в груди. Земля уходила из-под ног. Машинально отшатнувшись и сделав шаг назад, он безвольно опустил руки. По лбу катился холодный пот, глаза мгновенно налились слезами.

— Как убили?! Где убили?! — чуть ли не закричал он.

Людмила ответила тихо, едва слышным шепотом:

— Я не знаю... Ничего не знаю, Мишенька!

Михаил упал на колени, судорожно потянулся к матери и крепко прижал ее к себе.

— Мама, — выдохнул он, глотая слезы. — Мы справимся. Со всем справимся вместе.

Мысли Михаила вернуло карканье вороны.

II. Михаил

Михаил приоткрыл глаза. Посмотрел на трубку — та уже давно вся выгорела. Он огляделся по сторонам. С неба лениво падали редкие снежинки, приземлялись на землю и тут же таяли. Дул слегка прохладный октябрьский ветер, и по телу пробежала легкая дрожь. «Зима близко», — мысленно проговорил он. Прямо перед ним, метрах в пятистах, дружно играли дети — лепили снеговика. Старик подался вперед, издав легкий стон: «Ох...» Возраст у него был уже преклонный, от любого простого движения ныло все тело: то спину прихватит, то ногу.

Он залез рукой во внутренний карман, достал небольшой целлофановый сверток с табаком и положил на столик. Почистил трубку, набил ее, прикурил. Огонек тлел с каждым втягиванием. Михаил неспешно выпускал дым изо рта и носа. Опустошив трубку, он опустил руку во внутренний карман. Там его ждала элегантная шкатулка, обшитая алой тканью, — совсем небольшая, но достаточно вместительная, чтобы хранить самые ценные вещи. Он осторожно открыл ее и потихоньку вытащил тот самый платок, аккуратно сложенный в небольшой пакетик с замком. Ткань от времени стала совсем ветхой — любое неаккуратное движение, и разорвется.

Бережно положив платок на колено, Михаил вновь потянулся к шкатулке. Там лежал кулон тех самых времен, из сорок второго года. На фотографии была запечатлена его мама, Людмила. Он долго всматривался в снимок, плавно ведя пальцем по металлу. Старик даже не заметил, как на глазах выступили слезы. Он осознал это лишь тогда, когда холодный ветер остро обжег влажные щеки. Михаил понимал, что скоро с ними встретится — и с мамой, и с отцом Владимиром. В душе разлилась сжимающая боль, будто нечто невидимое схватило за сердце и пыталось сдавить, выжать из него всю кровь. Мысленно он думал: «Сколько уже прошло времени, а я до сих пор помню все эти тяжелые события до мельчайших деталей. Лучше бы я их забыл».

Да, у Михаила были дети, трое: мальчик и две девочки. К сожалению, они уже выросли, построили свои семьи, и до отца теперь дела нет. Забыли или просто бросили. Зато к нему часто забегала Даша — жизнерадостная, молодая, энергичная девушка, которой недавно исполнилось шестнадцать лет. Она приходилась внучкой его соседу и близкому другу, с которым они вместе прошли Вторую мировую. Девочка решила остаться здесь, чтобы ухаживать за своим дедушкой. Заодно и к Михаилу прибегала, помогала по хозяйству. Училась она в местной школе. Раньше-то Дарья жила в Москве вместе с родителями, а сейчас — тут, в маленькой тихой деревушке под названием Полбино.

Деревня располагалась вокруг старых сосен и вековых елей. Лес подходил к самой околице, а местами даже забирался на задворки, цепляясь корнями за покосившиеся заборы. По

утрам густой туман стелился по низинам, и казалось, что Полбино прячется в нем, не спеша открываться миру. Улицы здесь были неширокие, с глубокими колеями, которые дожди размывали до вязкой глины, а солнце потом подсушивало их в твердые гребни. Дома стояли вразнобой: одни — крепкие, с резными наличниками и новыми крышами, другие — с потемневшими от сырости бревнами и окнами, затянутыми пленкой. Между избами сиротливо высились желтые, засохшие кусты сирени и черемухи. В самом центре, чуть на взгорке, высилась школа. Там-то Дарья и училась. Стройная, зеленоглазая, одетая всегда по-простому, она собирала волосы в аккуратный хвостик.

Михаил уселся поудобнее, прижимаясь к спинке кресла. Он укрылся теплым пледом, располагаясь поуютнее и следя, чтобы тот не сполз. Глаза плавно закрылись. Мысли старика снова возвращались в 1942 год, в сентябрь месяц.

III. Трепет души

Михаил стоял возле кровати. Его когда-то живые глаза теперь были полностью потухшими; былой жизнерадостный парень превратился в тихого, серьезного мужчину. Два месяца назад, в июле, после известия о гибели отца, его тело действительно привезли через три дня, как и говорила мама.

В тот самый знойный июльский день к дому подъехал советский военный ЗИС-5В. В кабине сидели двое суровых мужчин в форме, а в кузове — шестеро молодых, крепких ребят. На них были простые летние гимнастерки, выцветшие от солнца. Парни быстро откинули задний борт. Трое из них остались в кузове, чтобы подавать груз, а трое других спустились на землю. Они бережно принимали сверху что-то очень тяжелое. Михаил тогда сразу все понял: там был отец.

Один из военных открыл дверь кабины ЗИС-5В, ступил на землю и, хлопнув дверью, ускоренным шагом направился к Людмиле. Тем временем парни уже спускали деревянный ящик. Это было самое страшное, во что Михаил до последнего не хотел верить. Он резко подбежал к гробу, где покоилось тело отца, упал на колени и судорожно попытался открыть крышку.

Когда крышка поддалась, он увидел отца: тот лежал мирно, сложив руки на груди. Михаил медленно перевел взгляд на его лицо. Оно было бледным, застывшим в вечном покое, без единой улыбки, а во лбу темнело отверстие от пули. Тогда в голове у парня проносились горькие мысли: почему умер именно отец? Почему вместо него не взяли на службу меня?

Из глаз Михаила хлынули ручьи слез, тело судорожно затряслось. Он плакал, как маленький ребенок, и кричал от невыносимой боли. В груди бешено колотилось сердце, и этот гул отдавался в голове, словно стук тяжелого молотка. Молодые парни из похоронной команды молча стояли рядом. Лишь один из них сделал шаг вперед, осторожно положил руку на плечо Михаила и тихо сказал:

— Сочувствую твоей потере, парень. — Он немного помолчал и продолжил: — Твой отец погиб как герой. Он прекрасно понимал, на что идет, и отдал жизнь, спасая своих товарищей. Запомни его таким. Он бы точно не хотел, чтобы ты так терзал и винил себя.

Солдат убрал руку с его плеча и вернулся к остальным парням у машины, которые молча ждали окончания разговора. Тот суровый мужик из кабины все еще стоял возле матери, негромко объясняя ей что-то важное и передавая документы. Для Михаила это был первый жесткий урок, и он понимал, что сейчас времена сложные. А приглядеть за мамой и хозяйством может только он. Тем временем суровый мужчина закончил говорить. Он повернулся и зашагал также ускоренно в сторону машины. Открыв дверь, он поднял ногу на ступеньку, на мгновение повернул голову в сторону молодых парней и коротко приказал:

— Помогите перетащить ящик ближе к дому!

После этого он быстро залез в кабину. Ребята аккуратно подняли тяжелый ящик и тихо поставили его перед Людмилой. Один из парней выпрямился и тихо сказал с глубоким сожалением:

— Сочувствую вам в вашей потере, Людмила Геннадьевна.

Молодые ребята легким бегом добежали до машины, ловко запрыгнули в кузов, и грузовик тронулся, оставляя за собой лишь клубы серой пыли.

IV. Двойной удар

Ящик с телом стоял посередине двора, рядом стоял Михаил, Людмила. Как только машина уехала, Людмила подбежала к ящику и упала на колени, в кровь царапая кожу на них о жесткую землю. Внутри Людмилы было столько боли. Когда-то сдержанная, крепкая женщина. Плакала и кричала на всю ограду, руками махая и ударяя по груди мужа.

— Зачем ты меня бросил, ты же обещал, что мы вместе умрем!? — в ее голосе было столько горя, отчаяния, грусти.

Эта атмосфера осязала всю ограду и соседние дворы. Все смотрели через забор и молча наблюдали. Все понимали эту грусть и боль, каждый из них кого-то потерял. Кто-то деда, а кто мужа, сына. А у кого-то погибла дочка от насилия, огня, пули. Михаил стоял со слезами на глазах, в сердце была огненная боль, щемящее сердце. Ритм в груди бил быстро, в голове пульсировала кровь, руки судорожно сжимались в кулаки. Это чувство было от бессилия, когда ты ничего не можешь сделать или поменять. Перед тобой как будто выросла непробиваемая стена. Его зубы прикусывали губы в кровь.

Прошло время, отца похоронили на местном кладбище, на его похороны пришли под пятьдесят людей, каждый пришел попрощаться с героем. Позже Михаил узнал, что он спас более шестидесяти товарищей, в списке были как и взрослые мужики, так и молодые, совсем зеленые ребята, которые не понимали, что их ждет.

Дело происходило еще полгода назад, на дворе февраль 1942 года. Владимир в составе 33-й армии генерала Ефремова идет на прорыв к Вязьме. Коридор к своим уже узкий и под постоянным огнем — немцы методично сжимают кольцо. В эти дни группа еще держится как часть большого соединения, но уже ясно: выхода по дорогам не будет. Приходится уходить в леса, искать обходы, двигаться ночами. Именно тогда Владимир начинает брать на себя ответственность за небольшие группы — выводить тех, кто отстал, собирать раненых, искать безопасные низины для дневных укрытий.

Март-апрель: кольцо смыкается окончательно. Армия дробится на изолированные отряды, снабжение почти прекращается. Теперь спасение — это не атака, а скрытность: переходы по оврагам и руслам ручьев, чтобы не оставлять четких следов; дневные стоянки в густых ельниках, где даже дым костра почти не виден. Владимир использует знание местности: он ведет людей там, где немцы не ждут — по топким, неудобным тропам, которые местные знали с детства. В эти месяцы он собирает разношерстную группу: к нему пробиваются бойцы из других подразделений, молодые зеленые ребята, которым нужен спокойный голос и твердое слово.

Май-июнь: группа уже не пытается идти напролом — она ищет слабые места в немецких заслонах. Это работа на грани: разведка по опушкам, наблюдение за сменой патрулей, ожидание момента, когда коридор между дозорами станет чуть шире. Владимир действует как проводник и тактик одновременно: он оставляет прикрывающих, чтобы выиграть время, и уводит основную массу в глушь, где даже тропинки знают только свои.

Июль: когда узкий коридор к своим наконец удается нащупать — между двумя деревнями, под прикрытием леса, — Владимир не идет первым. Он пропускает вперед молодых и раненых, а сам остается на кромке леса, чтобы прикрыть отход. Там, на этой кромке, его и

убивает снайпер, попадая прямо в лоб. Владимир был готов к такому исходу, но он не побоялся, для него было важно спасти своих.

V. Людмила и Михаил

Сентябрь 1942 года. Михаил стоял у кровати с потухшим, отрешенным взглядом. Отца не стало, его уже предали земле. Но после похорон с Людмилой произошло нечто ужасное. От непосильного труда и бесконечных слез она будто окаменела, став похожей на холодный бетон. Через две недели женщина слегла с тяжелым недугом. Болезнь проявляла себя явно: высокая температура, изнуряющий кашель, чихание и страшная слабость — она таяла на глазах. Все указывало на тяжелую пневмонию.

Утром Михаил поднялся и подошел к матери. Она лежала в зале на старой панцирной кровати; ее тело было бледным, а на лбу покоилось смоченное водой полотенце. «Лихорадка началась», — обреченно подумал он. Михаил подбежал к ней и приложил руку ко лбу — тот пылал. Он взял полотенце, окунул его в таз с водой, слегка выжал и вернул на прежнее место.

Людмила приоткрыла уставшие глаза и медленно повернула голову к сыну.— Сыночек, со мной все будет хорошо... Я немного полежу и встану, — ее голос звучал хрипло, тихо и изнеможденно.Михаил опустился на край постели, коснулся ладонью материнской щеки и тихо произнес:— Мама, лежи, у тебя сильный жар и кашель, это признаки тяжелой болезни. — Его голос дрожал от глубокой, невыносимой грусти. Он продолжил: — Тебе нельзя вставать. Все домашние дела я сделаю сам. Но сперва схожу на поле — нужно набрать полыни, чтобы сбить температуру и унять кашель. Михаил понимал, что надеяться можно только на целебные травы: в те военные годы лекарства и антибиотики были невероятной роскошью, которой не хватало даже на передовой.— Хорошо, — едва слышно, почти шепотом отозвалась Людмила.

Она плавно закрыла глаза и мысленно перенеслась в те дни, когда их семья была счастлива и жила в мире. Михаил тихо поднялся и, стараясь не шуметь, направился к выходу. На крыльце его встретил густой, влажный и пронизывающий прохладой туман. Когда-то в прошлом Михаил глубоко вдохнул бы этот свежий утренний воздух. Но сейчас на сердце лежал тяжелый, невыносимый камень, а все думы были лишь о том, как исцелить маму.

Он поспешил к бочкам, сполоснул лицо и руки, после чего направился к полям. Срывая стебли полыни, он вспоминал, как хорошо им жилось до войны — в мире, с улыбками и смехом. Вспоминал, как бегал к соседям, помогал по хозяйству, а взамен получал еду, сахар и другие гостинцы. Набрав достаточно травы, Михаил пошел обратно.

Дома он сложил полынь в кастрюлю и залил водой. Затем вышел во двор к сараю, набрал охапку дров и принес в избу. Открыв дверцу печи, он подбросил несколько поленьев, настругал щепы для розжига и затопил огонь. Через полчаса целебный отвар был готов. Михаил налил его в стакан и направился к матери.

Он тихо приблизился и сказал:— Мама, выпей отвар, тебе должно стать легче.Людмила открыла глаза, приподнялась, опершись на локоть, и взяла стакан.— Спасибо, Мишенька, — так же слабо и хрипло прошептала она и, едва заметно улыбнувшись, добавила: — Миша, отец бы тобой гордился.

Впервые за последние полгода Михаил увидел ее прежнюю, живую улыбку.

Вдруг до его слуха донесся чей-то далекий голос:

— Дядя Миша... — звал кто-то издалека.

— Дядя Миша! — повторил тот же голос, окончательно возвращая его из воспоминаний в реальность 2010 года.

VI. Дарья и Михаил

Михаил открыл глаза. Перед ним стояла худенькая девочка — Даша, внучка соседа и его давнего друга. Это была на редкость заботливая и трудолюбивая девочка, чья улыбка всегда согревала Михаила, наполняя его душу тихой радостью.

Вглядевшись в его лицо, Даша удивленно и с явным беспокойством спросила:

— Дядя Миша, с вами всё хорошо? Вы какой-то уставший и грустный.

Михаил ненадолго замолчал, а затем негромко произнес:

— Да, Дашенька, всё хорошо.

— Дядя Миша, вы хоть кушали? Может, вам чем-то помочь? — никак не унималась она.

Он задумчиво смотрел на нее и лишь спустя несколько секунд ответил:

— Ох, можешь сварить супа, пожалуйста? — уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

— Хорошо, дядя Миша. Только вам тут не холодно сидеть? Может, мне проводить вас на диван? — в ее голосе прозвучало легкое переживание.

Он протянул руку, ласково положил ее на голову Даши и сказал уже чуть более живым голосом:

— Всё хорошо, мне не холодно. Лучше приготовь супа.

— Хорошо, — коротко отозвалась она.

Даша развернулась и направилась в дом. Михаил остался сидеть в кресле-качалке, которое лениво и монотонно поскрипывало. Он забил трубку табаком, поджёг его и принялся неторопливо курить. Погода за это время ничуть не изменилась: с неба всё так же лениво падал снег, а на площадке, метрах в пятистах, продолжали играть ребятишки.

Зайдя в дом, Даша сразу прошла на кухню. Она включила плиту, налила в кастрюлю воды и поставила её закипать. Затем присела на корточки, открыла шкафчик и достала картофель. Наполнив тазик водой и взяв нож, она принялась за работу — минут пять, и всё было готово. Следом она достала овощи и немного куриной грудки, аккуратно нарезав всё кубиками. К этому моменту вода в кастрюле уже закипела. Даша подошла к плите и опустила туда мясо. Когда оно отварилось, став нежным и мягким, она добавила все остальные ингредиенты.

Спустя некоторое время суп был готов. Она бережно достала из шкафа тарелку, налила в неё горячего бульона и, бережно держа её в руках, медленно пошла на улицу. Подойдя к Михаилу, девочка мягко улыбнулась:

— Дядя Миша, суп готов.

Он немного приподнялся в кресле, чтобы было удобнее есть, и взял ложку.

— Приятного аппетита, — пожелала Даша.

Он взглянул на нее и коротко ответил:

— Спасибо.

— Дядя Миша, ну как, вкусно? — в ее глазах заблестели живые огоньки.

— Очень вкусно, спасибо, Дашенька, — с улыбкой отозвался он.

— Дядя Миша, может, ещё что-нибудь нужно? Я с радостью вам помогу, — искренне предложила она.

Михаил подумал про себя: «Если бы не Даша, я бы, скорее всего, уже ушел в пустоту». На его глаза навернулись слёзы, но в душе воцарилась удивительная легкость.

Даша наклонилась к нему, и на её лице вновь отразился испуг:

— Дядя Миша, дядя Миша! Вам плохо? Почему вы плачете? — в ее голосе послышался тот самый искренний страх, который бывает, когда по-настоящему боишься за близкого человека.

— Всё хорошо, Дашенька, я просто... — он запнулся, выдержал паузу и продолжил, хотя его голос на секунду дрогнул: — Вспомнил прошлое. Когда сам был ребенком, точно так же готовил еду, помогал ей...

— Оо, а вы ведь никогда не рассказывали о своем прошлом! Может, расскажете? — на её лице отразился глубокий, неподдельный интерес.

— Хорошо. Только сперва занеси, пожалуйста, дровишек. Ближе к вечеру будем топить.

— Хорошо! — звонко ответила она.

Даша послушно отправилась к дровяному сараю. Она занесла одну охапку, затем вторую, размышляя про себя: «Надеюсь, на сегодня хватит. А если что, занесу еще». Закончив, она снова подошла к старику:

— Дядя Миша, всё занесла, — девочка замерла в ожидании похвалы.

— Умничка, Дашенька. А теперь садись, и я расскажу тебе свою историю... Точнее, историю моей мамы, Людмилы. Она родилась в 1894 году. И то, что я тебе поведаю, происходило, когда ей было всего десять лет — в 1904 году...

Глава 2. Людмила

I. История Людмилы

Людмила родилась в 1894 году в небольшой, затерянной среди полей деревушке. К своим десяти годам она росла девочкой на редкость жизнерадостной и работящей. Семью кормили две коровы — единственное подлинное богатство, благодаря которому на столе всегда водились свежее молоко, густая сметана и рассыпчатый творог. По двору хлопотал десяток кур, подаренных родственниками еще лет пять назад. Жизнь текла своим чередом, неторопливо и мирно. Время от времени давали о себе знать трудности с провизией, но скудного домашнего хозяйства — яиц да крынки молока — вполне хватало, чтобы не голодать. Люда охотно бралась за любую работу: носила тяжелые ведра с водой, кормила скотину, помогала матери со стиркой, а порой отзывалась и на просьбы соседей.

Однажды за помощью обратилась соседка, тетя Маша. Ее муж, дядя Леша, сильно занемог и уже долгое время не поднимался с постели, а у самой женщины силы давно были на исходе.

— Людочка, подсоби мне с картошкой, — устало, с надрывом в голосе попросила она. — Нужно натаскать семена из погреба. Пока ты будешь носить, я начну копать лунки под посадку.

— Конечно, тетя Маша, я помогу! — охотно откликнулась девочка.

Маша была удивительно, почти сказочно красива. Ее лучистые зеленые глаза, напоминавшие сочную весеннюю лужайку, смотрели выразительно и глубоко, но в самой глубине этого взгляда таилась тяжелая, гнетущая тоска. Тонкая, изящная фигура соседки вызывала ассоциации с балериной, волею судеб оказавшейся на крестьянском поле. Засмотревшись на нее и погрузившись в свои детские мысли, Люда на автомате побрела к погребу. Дверь была уже отворена. Девочка аккуратно спустилась по прохладным ступеням, насыпала первое ведро картофеля и принялась споро бегать туда и обратно.

Работа кипела около шести часов. Клочок земли у дома был небольшим, так что к вечеру они успели засеять все поле. Утирая пот со лба, Маша направилась к крыльцу и обернулась:

— Люда, подожди минутку на дворе, я сейчас вынесу кое-что.

— Хорошо, тетя Маша, — отозвалась девочка.

Минут через пять соседка показалась на пороге, бережно сжимая в руках небольшой полотняный мешочек.

— Возьми, милая, это тебе за труды.

Люда удивленно захлопала глазами:

— А что это?

— Топленое масло и немного гречневой крупы, — огорченно вздохнула женщина, опуская взгляд. — Прости, родная, больше и угостить-то нечем.

— Ну что вы, спасибо огромное! — весело улыбнулась Люда, прижимая гостинец к груди.

— Тебе спасибо, — в голосе Маши вдруг прорезался странный, граничащий с истерикой смешок. — Одна бы я до ночи возилась… А тут еще и муж слег, совсем беда.

— Все обязательно наладится, дядя Леша поправится, вот увидите! — попыталась приободрить ее Люда, но по лицу соседки поняла, что слова утешения прозвучали слабо.

— Передай родителям привет от меня, — тихо, одними губами улыбнулась женщина.

— Обязательно передам! — пообещала Людмила.

Она развернулась и припустила в сторону своего дома, на бегу оборачиваясь и весело маша тете Маше рукой.

II. История Людмилы. Часть II

Утром Людмила легко поднялась с постели, наскоро оделась и поспешила умыться студеной водой. Отец с самого рассвета уже трудился в поле, а мама хлопотала у печи, от которой по избе разливалось приятное тепло. Заметив дочь, мама повернулась к ней и ласково произнесла:

— Людочка, пока я собираю на стол, сходи-ка накорми коров и кур. За скотиной сейчас особый уход нужен, ведь они наши главные кормилицы.

— Хорошо, мама, я мигом! — с готовностью отозвалась девочка и лучезарно улыбнулась.

Мать посмотрела на нее, и на ее лице промелькнула тихая, гордая улыбка. Про себя она в который раз подумала, какое же благословение — иметь такую дочь: работящую, послушную, всегда готовую прийти на помощь.

С этими мыслями женщина вернулась к чугункам, а Люда выбежала на улицу. Стоило ей ступить на крыльцо, как лицо обдал резкий, пронизывающий октябрьский ветер. Осень уже вовсю хозяйничала в деревне, близилась зима, и земля дышала предрассветным холодом. Во дворе умиротворенно расстилался густой, молочный туман. Набрав полную грудь этого чистого, морозного воздуха, Люда зажмурилась от удовольствия и весело припустила в сторону хозяйственных построек.

По пути она заметила вдали силуэт отца и звонко окликнула его:

— Папа!

Мужчина обернулся, тепло улыбнулся и приветливо помахал дочке рукой. Люда помахала ему в ответ и, не теряя времени, побежала дальше. Юркнув за деревянную калитку загона, она заглянула в кормушку — та была абсолютно пуста, коровы за ночь съели всё до единой травинки. Девочка уверенно подошла к стогу, подхватила тяжелые вилы и принялась охапками перетаскивать душистое сено. Проделав это несколько раз и доверху наполнив кормушку, она взяла ведро и отправилась к колодцу. Пришлось знатно потрудиться, чтобы натаскать коровам пять полных ведер чистой воды. Закончив, Люда ласково приблизилась к одной из них, положила маленькую ладошку на теплую, мягкую шершавую шерсть и тихо, с искренней детской благодарностью зашептала:

— Спасибо вам, родимые, за молочко. За то, что мы благодаря вам сыты.

Постояв так пару минут, она направилась к курятнику. Развязав полотняный мешочек, полученный накануне от тети Маши, Люда зачерпнула горсть гречневой крупы и веером рассыпала ее перед кудахчущими птицами.

Пока она управлялась по хозяйству, мама уже закончила стряпню. Из открытых дверей дома донесся ее громкий голос:

— Люда, Гена! Идите завтракать!

— Бегу-у! — во весь голос крикнула в ответ Люда, но от резкого крика на холодном воздухе в горле неприятно запершило.

Она прижала ладонь к шее, коротко откашлялась и поспешила к избе. Октябрьский ветер теперь дул прямо в лицо, заставляя сильнее кутаться в одежду. Влетев в тенистые сени, а оттуда в теплую комнату, Люда застала за столом только маму.

— А где папа? — удивленно спросила она, оглядывая пустую горницу.

— Видно, не расслышал, увлекся работой, — ответила мать. — Позови его, дочка.

— Хорошо, мамочка!

Люда снова выскочила во двор и побежала к полю. Отец стоял посреди борозды и как раз вытирал пот со лба застиранным носовым платком.

— Папа, мама звать кушать велит! — подбегая ближе, весело выпалила она.

Отец ласково протянул мозолистую руку, бережно погладил дочку по голове и с искренней, доброй улыбкой ответил:

— Ну раз матушка зовет — пошли.

III. Родители и Людмила

Июнь 1909 года. Людмиле исполнилось уже пятнадцать лет. Тот месяц выдался по-настоящему роковым для их семьи: в раскисшей от дождей низине намертво застряла и погибла одна из коров. В довершение бед всего пару дней назад в курятник пробралась лиса, и от прежнего десятка несушек осталось лишь четыре. Рыжую плутовку так и не поймали. С провизией и раньше бывало туго, а теперь, когда они едва получали пару литров молока и несколько яиц в день, жизнь и вовсе повернулась своей самой суровой стороной.

Как-то вечером мама, бессильно опустив руки, сокрушенно произнесла:

— Что же мы делать-то будем? Одна корова да четыре курицы… Нам ведь этого категорически не хватит.

В ее голосе сквозила такая неподъемная тяжесть и горькая безысходность, что у Людмилы сжалось сердце. Отец молча подошел к матери, крепко обнял ее за плечи и глухо, но уверенно произнес:

— Мы обязательно найдем выход, слышишь? Я найду подработку, обещаю тебе.

Люда стояла у окна и молча наблюдала за ними. Ее взгляд, прежде по-детски безмятежный, теперь стал понимающим и не по годам взрослым. В голове девочки зрело твердое решение: «Родителям сейчас слишком тяжело. Я не могу оставаться в стороне. Нужно самой искать работу — наниматься к соседям, браться за любое дело, лишь бы принести в дом хоть какую-то еду».

Она решительно вышла на улицу. Июньский день дышал благодатным, умиротворяющим теплом, в воздухе стоял абсолютный штиль, но Люде было не до красот природы — все ее мысли занимал поиск выхода из семейной беды. Она быстрым шагом направилась к дому тети Маши.

Соседка как раз была во дворе — развешивала на натянутых веревках мокрое белье. Услышав скрип открывающейся калитки, Маша обернулась и, увидев запыхавшуюся девочку, удивленно спросила:

— Привет, Люда. Случилось чего?

— Здравствуйте, тетя Маша! — едва переводя дух, обратилась к ней Люда. — Я хотела узнать… может, у вас найдется для меня какая-нибудь работа? За любую помощь, за горсть крупы или молока, я на всё согласна.

Маша на мгновение задумалась. Она уже знала о несчастье, постигшем соседей, и прекрасно понимала, что движет девочкой. Пожалев Люду, она покачала головой:

— Нет, милая, у меня сейчас у самой шаром покати, прости. Но постой… Я слышала, что к нам в деревню недавно переехали новые жильцы. Помнишь тот большой дом на отшибе, который годами стоял заколоченным?

— Да, помню, — немного растерялась Люда. — Но там ведь целую вечность никто не жил. Мама говорила, он уже лет тридцать пустует. Не думала, что туда вообще кто-то решится заселиться.

Она ненадолго замолчала, борясь с нахлынувшей робостью, а затем тихо добавила:

— А вы думаете… они не откажутся от моей помощи?

Маша подошла ближе, ласково взяла Люду за плечи и ободряюще улыбнулась:

— Вот увидишь, не откажутся. Дом старый, работы там непочатый край, так что твои руки им будут за огромную услугу. Глядишь, и покормят, и с собой что-нибудь дадут. К тому

же, — женщина мягко потрепала девочку по плечу, — ты покажешь им, что в нашей деревне живут дружелюбные люди, которые всегда готовы прийти на выручку.

Людмила уверенно кивнула, страх отступил, уступив место решимости. Поблагодарив и наспех попрощавшись с соседкой, она решительным шагом вышла за ограду.

IV. Людмила и новые соседи

Дорога к новым соседям заняла около двадцати минут. Людмила шагала и даже не догадывалась, что идет навстречу своей настоящей судьбе и первой большой любви. Она двигалась неторопливо по узким деревенским улочкам. Путь размыло после недавнего ливня: под ногами то и дело попадались глубокие выбоины и грязные лужи. Один раз Люда сильно поскользнулась и лишь чудом удержала равновесие — иначе пришлось бы возвращаться домой в испачканной одежде. На улице стоял полуденный зной, замерший воздух был неподвижен, а солнце безжалостно палило с безоблачного неба. Окружающий мир жил своей привычной жизнью: доносилось ленивое мычание коров, домашний птичий гомон, где-то жалобно блеяли козы, а далеко в полях заливалась безмятежная птица. Жизнь могла бы казаться прекрасной, если бы не недавние беды — нелепая гибель коровы в трясине и лиса, разорившая курятник.

Незаметно для себя Люда очутилась перед незнакомым домом. Остановившись у массивных ворот, она никак не решалась постучать. В ее мыслях бушевала настоящая буря: «А вдруг они просто прогонят меня? Я ведь совсем их не знаю. Что, если я им не понравлюсь?»

От тягостных раздумий ее отвлек резкий скрип калитки. Из-за нее показался высокий, худощавый юноша с копной черных волос. На Люду уставились удивленные голубые глаза. Девочка на секунду оцепенела, сердце в ее груди бешено заколотилось, и она не смогла вымолвить ни слова. Юноша озадаченно оглядел гостью и спросил:

— Привет. Девушка, вы к кому?

Люда моментально опомнилась. Она робко спрятала руки за спину, опустила голову и тихо, преодолевая смущение, пробормотала:

— Здравствуйте. Меня зовут Люда, я ваша соседка… — она резко осеклась, помолчала несколько секунд, собираясь с духом, и продолжила: — Я слышала, вы недавно заселились. Вот и подумала… может, вам помощь какая по хозяйству нужна?

Паренек добродушно откликнулся:

— Подожди меня минутку, я у родителей спрошу.

— Хорошо, — едва успела ответить Люда, а он уже скрылся во дворе.

Оставшись одна, она поймала себя на мысли, какой у них новый сосед необычный и милый. В его ясных голубых глазах можно было безоружно утонуть, а взгляд казался таинственным и притягательным. Из плена девичьих грез ее вернул звонкий голос паренька:

— Люда, заходи! — его тон звучал по-настоящему гостеприимно.

— Иду, — волнуясь, ответила она, слегка запнувшись на полуслове.

— Да ты не бойся, все свои, не съедят тебя, — с улыбкой подбодрил ее парень. — Меня, кстати, Володей зовут. Можно просто Вова.

— Приятно познакомиться, Вова, — всё так же робко, с непривычки отозвалась она.

Люда никогда раньше близко не общалась со сверстниками — сказывались природная скромность и вечная занятость по дому, из-за которой у нее почти не оставалось времени на простые детские игры.

— И мне очень приятно, — улыбнулся Вова.

Она пошла следом за ним. Просторный двор новых хозяев пока пустовал и выглядел заброшенным: повсюду буйствовали сорняки и разрослись дикие полевые цветы. Парень проводил Люду вглубь участка, где у крыльца хлопотала женщина. Несмотря на простую одежду,

она выглядела очень красивой и удивительно молодой. Обернувшись на шаги, хозяйка ласково осмотрела гостью и тепло улыбнулась. Помолчав мгновение, она спросила:

— Здравствуй, милая. Как тебя звать?

— Люда. Я живу тут неподалеку, минут двадцать ходьбы отсюда.

— Приятно познакомиться, Людочка. Меня зовут Наташа, но ты зови меня просто тетей Наташей.

— И мне очень приятно, тетя Наташа, — ответила девочка, чувствуя, как к ней окончательно возвращается былая уверенность.

Люда сразу поняла, что перед ней открытые и добрые люди. Страх и неловкость бесследно исчезли, уступив место искреннему, живому интересу к этой семье.

V. Помощь и новые знакомства

Людмила стала приходить к ним почти каждый день. Работы в старом доме и вокруг него было непочатый край, так что ее работящие руки пришлись как нельзя кстати. Как-то утром тетя Наташа, распределяя дела, попросила:

— Людочка, подсоби мне в доме, нужно вещи перетаскать. А ты, Вова, ступай к забору, поправь его — там половины досок не хватает.

— Хорошо, тетя Наташа, всё сделаем! — откликнулась Люда, и ее улыбка в этот миг была такой чистой, светлой и невинной, что в комнате будто стало немного ярче.

Володя лишь молча кивнул и вышел во двор. Он дошагал до сарая, отыскал в полумраке тяжелый молоток, а за самой постройкой приметил несколько крепких досок. Подхватив их, парень направился к покосившейся ограде. Руки привычно делали свое дело, но все мысли Вовы были заняты Людой. Эта девочка нравилась ему с каждым днем всё сильнее. Его покорял ее звонкий, искренний смех, ее редкая отзывчивость и то, как сияли ее глаза, когда она радовалась какой-нибудь мелочи. Рядом с ней он и сам становился веселее, чувствуя исходящее от нее удивительное тепло и покой. Правда, Вова пока еще не мог до конца разобраться в себе: любовь это или просто сильная привязанность? Впрочем, он решил, что время всё расставит по местам, а сейчас нужно сосредоточиться на работе. Погода парню благоприятствовала — небо затянуло прохладной серой дымкой, дул легкий, освежающий ветерок, спасавший от изнуряющей июньской жары.

В это же время в доме Люда споро переносила узлы и утварь с места на место. В отличие от робкого соседа, она уже давно и отчетливо понимала, что влюбилась в Вову с самого первого взгляда. Стоило ему оказаться поблизости, как она буквально расцветала: сердце в груди начинало биться быстрее, накатывала такая радость, что хотелось петь во весь голос, прыгать и без причины веселиться. Рядом с Вовой она ощущала абсолютное умиротворение. Однако признаться в своих чувствах девочка отчаянно боялась — да и молоды они были еще слишком, отчего в голове роились сотни сомнений. Пока ей хватало малого: просто находиться рядом, ловить его взгляды и помогать этой семье всем, чем только возможно.

Когда с вещами в доме было покончено, Люда с тетей Наташей вышли на улицу, чтобы заняться запущенным огородом. В те суровые годы собственная земля и скотина были единственным верным спасением от голода. Огород кормил, а потому в деревнях пахали все без исключения — от мала до велика, отдавая земле последние силы. Свою скотину, особенно корову, в ту пору мог позволить себе далеко не каждый двор — это считалось признаком настоящего достатка. Все понимали: если урожай уродится на славу, сытая зима семье обеспечена. Но если случалась засуха или огород погибал, наступали страшные дни. Тогда крестьяне бросали дома и шли наниматься на любую, даже самую тяжелую работу к чужим людям — лишь бы не дать своим детям умереть с голоду. За работой время летело незаметно. Солнце, хоть и скрытое за плотными серыми облаками, постепенно клонилось к закату, окрашивая горизонт

в тускло-багровые тона. Люда, утирая тыльной стороной ладони лоб, ловко выдергивала упрямые корни пырея. Тетя Наташа трудилась чуть поодаль, вскапывая слежавшуюся за долгие годы землю тяжелой зазубренной лопатой.

Вдруг со стороны калитки донесся глухой стук молотка, который тут же затих. Вова закончил с забором. Он постоял немного, оценивая свою работу, а затем, перекинув инструмент из руки в руку, неторопливым шагом направился к грядкам.

Люда спиной почувствовала его приближение. Сердце тут же привычно и радостно встрепенулось, а щеки слегка опалило румянцем, который она поспешила списать на усталость от прополки.

— Ну что, труженицы, — раздался задорный голос Вовы. Он остановился у края вспаханной межи, слегка опершись на черенок прихваченных вил. — Ограду я подлатал, теперь ни одна чужая коза к нам не проберется. Подсобить чем?

Тетя Наташа распрямила уставшую спину, с легким вздохом оперлась на лопату и с теплой материнской улыбкой посмотрела на сына, а затем на притихшую Люду.

— Подсоби, сынок, как не подсобить, — ответила она. — Помоги Людочке вон тот угол от дерна очистить, а то у нее уже ручки, чай, отваливаются. А я пойду в избу, посмотрю, что на ужин сообразить можно. Изголодались небось.

Женщина не спеша пошла к дому, оставив их двоих посреди затихающего огородного поля.

Вова подошел ближе. Между ними повисла та самая робкая, звенящая тишина, которая бывает только между людьми, чьи души тянутся друг к другу, но еще не смеют об этом сказать. Юноша ловко вонзил вилы в землю рядом с Людой и легко перевернул тяжелый пласт земли, выворачивая наружу сочные корни сорняков.

— Ты это... не перетруждайся так, — негромко сказал он, не поднимая глаз от земли, но в его голосе прозвучала такая непривычная, взрослая забота. — Земля тут тяжелая, запущенная. Один пырей чего стоит.

— Ничего, я привычная, — тихо отозвалась Люда, споро собирая перевернутые им корни в кучу. Она на секунду подняла на него свои сияющие глаза. — Дома-то хозяйства почти не осталось, силы девать некуда. Да и маме с папой помочь хочется. Твоя мама обещала немного зерна дать за подмогу.

Вова остановился. Его загадочные голубые глаза встретились с ее выразительным взглядом. Парень вдруг отчетливо понял, какая перед ним стоит девчонка — не просто соседская девчушка, готовая весело посмеяться, а настоящий, сильный человек с добрым сердцем, который ради своей семьи готов спину гнуть на чужих грядках.

— Дадим, конечно дадим, — серьезно кивнул Вова, и его худощавое лицо в этот миг показалось Люде удивительно мужественным. — И зерна отсыплем, и картошки семенной, сколько сможем. Мы с мамой вас в обиду не дадим, Люда. Раз уж рядом жить устроились, значит, держаться надо вместе.

От этих слов у Люды в груди разлилось такое пронзительное, щемящее чувство умиротворения, что ей показалось, будто никакой голод, никакие беды мира им больше не страшны. Ей безумно захотелось протянуть руку и коснуться его черных волос, но она лишь крепче сжала в кулаке сухую траву и счастливо, открыто улыбнулась.

— Спасибо тебе, Вовка, — прошептала она.

Ветер с поля дунул сильнее, принося запахи свежей земли и близкого вечернего тумана — того самого тумана, который спустя десятилетия будет стелиться перед глазами их сына Михаила, вспоминающего эту чистую, хрупкую июньскую юность своих родителей.

Глава 3. Людмила и Владимир

Люда встала рано утром. Мама Катя была дома, хлопотала по хозяйству, а папа где-то уже работал. Расспрашивать маму о его делах Люда не стала. Она умылась студеной водой, собрала волосы в аккуратный хвостик и подошла к ней:

— Мама, я пойду в гости к тете Наташе и Вове! — весело улыбнулась она.

Катя повернулась к дочери, внимательно посмотрела на нее и мягко произнесла:

— Любочка, я ведь замечаю, как часто ты у них пропадаешь, — женщина тепло, понимающе улыбнулась. — Скажи мне честно, ты ведь бегаешь туда не только ради того, чтобы подсобить? Приглянулся тебе этот юноша, Вовка-то?

Люда на мгновение оцепенела. Вмиг густая краска залила её щеки, она смущенно сжалась под ласковым маминым взглядом и резко, пытаясь скрыть волнение, выпалила:

— Да брось ты, мама! Я просто помогаю им по хозяйству, а они взамен еду дают. — Помолчав секунду, она тише добавила: — Это ведь и для нас подмога, пока такие трудности с припасами. Хоть какой-то выход нашли.

Катя лишь тихонько рассмеялась:

— Хорошо-хорошо, дочка.

Мама уже давно подметила, как меняется Люда, стоит кому-то вслух упомянуть имя Вовы. Время летело с бешеной скоростью — оглянуться не успеешь. Казалось, еще вчера Люда бегала по двору маленькой десятилетней девчушкой, а теперь, спустя пять лет, она совсем выросла. Скоро и замуж выдавать, а там, глядишь, и до внуков недалеко. Погрузившись в эти тихие думы, Катя вернулась к делам, а Люда поспешила на улицу.

Деревня встретила её ласковым, теплым ветерком. Июньская погода стояла просто великолепная. Люда выбежала за калитку и припустила по знакомой улочке навстречу Вове и тете Наташе. В её мыслях то и дело вспыхивал силуэт соседа: его загадочные голубые глаза, тонкое лицо и добрая, открытая улыбка. Вдруг на полушаге девочка замерла. Ей в голову пришла внезапная мысль: а ведь она ни разу не видела отца Вовы. За все недели знакомства в доме не прозвучало о нем ни слова. Люда решила, что как только придет, обязательно расспросит о хозяине дома. Наверное, лучше будет спросить у тети Наташи.

Она уже подходила к калитке новых соседей. Надавив на деревянную щеколду, Люда вошла во двор. Вова привычно управлялся по хозяйству, а его мама неторопливо подметала крыльцо. Натянув на лицо самую радостную улыбку, Люда подошла ближе:

— Доброе утро, тетя Наташа! И тебе утро, Вова!

Юноша обернулся, и на его худощавом лице отразилась ответная радость:

— И тебе доброе утро, Люда.

Наталья остановилась, опустила метлу и подняла голову:

— Здравствуй, Людочка.

Девочка подошла прямо к крыльцу и с готовностью спросила:

— Для меня сегодня найдется какая-нибудь работа?

— Ты пока посиди, отдохни с дороги, — ласково ответила женщина. — А чуть позже пойдем вместе погреб убирать.

— Хорошо! — охотно согласилась Люда.

Наталья с нежностью посмотрела на неё. Для неё Люда была прекрасной девочкой: работящая, безотказная, она бралась за любое дело и никогда не жаловалась на усталость, а, напротив, всегда лучилась радостью. Из мыслей женщину вырвал нерешительный голос гостьи:

— Тетя Наташа, я давно хотела спросить у вас… но всё как-то не решалась. — Люда резко замолчала, подбирая слова.

— Спрашивай о чём угодно, Людочка, — тетя Наташа ободряюще улыбнулась, и её взгляд наполнился мягкостью.

— Я просто… я никогда не видела вашего мужа. — Люда хотела расспросить подробнее, но, едва взглянув на лицо женщины, осеклась и прикусила язык.

Наталья изменилась в одну секунду. Улыбка мгновенно сошла с её лица, оно сделалось пугающе серьезным, а из глаз исчезло всё прежнее тепло — осталась лишь звенящая, мертвая пустота. Женщина замерла, уставившись куда-то вдаль, сквозь Люду, словно та внезапно стала прозрачной.

Люду обдал леденящий страх. Ей стало невыносимо неловко, и в мыслях она принялась исступленно ругать себя: *«Зачем я вообще полезла со своими вопросами? Вот дура, лучше бы молчала! Вдруг её муж был плохим человеком или бросил их…»*

Вдруг чья-то сильная ладонь крепко обхватила её за запястье. Люда вздрогнула от испуга, резко обернулась и увидела перед собой Вову. Лицо парня было мрачным и сосредоточенным.

— Пойдем со мной, — коротко, не терпящим возражений тоном приказал он.

Люда послушно пошла следом. Парень вел её за собой ускоренным, размашистым шагом. Они вышли со двора и отдалились к полю, подальше от чужих ушей. Там, на мягкой крестьянской траве, лежала старая расстеленная ткань. Вова остановился и бросил так же сухо:

— Садись.

Он видел, что Люда напугана до предела, а в её распахнутых глазах застыл нескрываемый страх. Юноша опустился перед ней на корточки, бережно перехватил её ладони в свои и уже гораздо мягче произнес:

— Да не пугайся ты так. Ничего я тебе не сделаю. — Он выдержал паузу, собираясь с духом, и продолжил: — Просто ты спросила о том, о чём говорить в нашем доме не следует. Особенно при маме. Если уж так интересно стало, лучше бы у меня спросила.

Люда по-прежнему ничего не понимала. Она смотрела на него с сильным замешательством, и из её глаз готовы были вот-вот брызнуть слезы:

— Я ведь не знала… Вова, я правда не хотела причинить ей боль, прости меня, пожалуйста, — жалобно, сдерживая всхлип, прошептала она.

Лицо парня дрогнуло, за секунду растеряв всю свою суровость. Он подался вперед и крепко, до хруста обнял девочку. Для Люды это стало полной неожиданностью. Внутри неё, прямо в груди, разлилось пронзительное, горячее тепло, и все тревоги, страхи и чувство стыда будто рукой сняло. Она доверчиво обняла его в ответ, прижавшись лицом к его худощавому плечу.

— Я не виню тебя, — тихо проговорил Вова ей на ухо. — Прекрасно понимаю, что тебе стало любопытно. Столько времени к нам ходишь, а отца дома ни разу не встретила. — Он помолчал секунд десять, тяжело вздохнул и глухо добавил: — Дело в том, что он умер четыре года назад.

Люда замерла. Она строила в голове любые догадки, но даже представить не могла, что отца Вовы больше нет в живых. В душе мгновенно родилась сжимающая, тягучая боль — то ли от неловкости и жгучего чувства вины за свой вопрос, то ли от того, каким горьким и надломленным стал голос Вовы. Она едва слышно прошептала ему в плечо:

— Сочувствую тебе… Прости, что спросила не подумав.

— Всё хорошо, я-то справлюсь, — Вова мягко отпустил её из объятий и сел рядом на ткань. — Но у мамы никогда, слышишь, никогда про него не спрашивай. Для неё это незаживающая рана.

— Хорошо, — покорно кивнула Люда.

Какое-то время они сидели в молчании. С поля тянуло ароматом диких трав. Вова посмотрел на свои ладони, затем снова повернул к ней свои глубокие голубые глаза — в них читалось сильное, непреодолимое желание наконец открыться и выговориться.

— Давай я расскажу тебе историю нашей семьи. И про отца расскажу, — тихо предложил он.

Люда заглянула в его взгляд, заметив, как тяжело ему дается это решение.

— Но… тебе не будет больно? Может, лучше не надо ворошить прошлое? — заботливо спросила она.

Вова покачал черноволосой головой, и по его глазам девочка поняла: ему нужно это высказать. Именно ей.

— Хорошо, — выдохнула Люда. — Расскажи.

II. История Владимира

Это случилось в 1904 году, когда мне едва исполнилось двенадцать. Жили мы тогда в достатке: на столе всегда дышал свежий хлеб, одежда была добротной, а в доме круглый год держалось ласковое тепло.

Отец мой, Дмитрий, был человеком удивительным — светлым, улыбчивым, из тех, кто никогда не опускает рук перед невзгодами. Любая беда разбивалась об его тихую уверенность. В руках у него спорилось всякое дело: нужно ли засеять поле, срубить ли новую пристройку — он всё делал на совесть. Соседи уважали его безмерно, ведь отец никогда не отказывал в помощи. И в деревне платили тем же: случись что, вся округа поднималась в ответ. Мама буквально светилась от счастья рядом с ним. Они искренне, глубоко любили друг друга, и эта привязанность была главным стержнем нашего дома.

Но однажды в отце что-то надломилось. С его лица исчезла привычная улыбка, он стал безразличен к хозяйству, часами сидел без дела. Мама долго всматривалась в эти пугающие перемены, пока наконец не выдержала.

— Дима, что с тобой? — спросила она однажды, и в её голосе звёздной тревогой отозвалась озабоченность. — Я тебя совсем не узнаю.

Отец лишь глухо отмахнулся:

— Всё хорошо, Наташа. Просто сил нет. — Он помолчал, уставившись в половицы, и добавил: — Мне бы отдохнуть немного. Перевести дух.

В его голосе сквозила такая свинцовая тяжесть, что мама отступила. Подумала, что муж действительно надорвался на работе и за пару дней отсыпется.

Однако время шло, а ему становилось только хуже. Вскоре отец и вовсе перестал вставать с постели. Он стремительно худел, кожа его сделалась восковой, прозрачной, а к вечеру тело начинал палить нещадный жар. Мама металась по дому, цепляясь за надежду, что это обычная простуда. Из заветного шкафчика она достала глиняный горшок с сухими целебными травами и кореньями. Вскипятила воду, заварила пахучий отвар и поила отца с ложечки. Тот послушно пил, но болезнь не отступала.

В один из дней мама бессильно опустилась на лавку. Лицо её осунулось, под глазами залегли темные круги от бессонных ночей.

— Всё, не может это больше продолжаться, — тихо, со слезами в голосе произнесла она. — Я думала, пустяк, перегорит… А тут видишь что. — Она повернулась ко мне, и в её глазах, ловя блики тусклого света, заблестели слезы. — Вова, сынок, беги скорее к фельдшеру. Пусть придет, посмотрит. Дай бог, успеет…

— Я мигом, мама, — коротко ответил я.

Я выскочил за калитку и во весь дух помчался по деревенской улице. Родное село я знал как свои пять пальцев: когда отец был здоров, мы часто ходили вместе помогать соседям. На бегу я неистово молился, чтобы застать лекаря дома. Работа у фельдшера была беспокойная, на месте он почти не сидел. Но удача улыбнулась мне — стараясь не думать о худшем, я долетел до его крыльца и застал доктора за столом.

— Здравствуйте… Помогите, — задыхаясь и шумно сглатывая слюну, вытолкнул я из груди. — Отец… Совсем плох отец.

Фельдшер поднял на меня тяжелый взгляд от бумаг:

— Здравствуй, Вова. Ну-ну, отдышись. Что стряслось?

Я сбивчиво, в нескольких словах описал беду. Доктор тут же поднялся, подхватил свой кожаный чемоданчик со всем необходимым, и мы поспешили обратно.

Вбежав в дом, фельдшер бросил мимоходом встревоженной маме короткое «Здравствуй», принял её тихое «Здравствуйте» и сразу прошел в комнату, где лежал больной.

Он подошел к кровати, водрузил сумку на табурет и неторопливо снял перчатки, аккуратно положив их сверху. Я замер у дверей, боясь издать хоть звук. Фельдшер долго не приступал к осмотру — он просто всматривался в силуэт отца. Замечал, как тяжело, с натугой поднимается его грудь, как обтянули скулы сухие полотна кожи, как безжизненно лежат на одеяле бледные пальцы, лишенные сил даже для того, чтобы сжаться в кулак.

Наконец доктор наклонился и приложил ладонь к отцовскому лбу. Держал долго, словно пытался измерить жар не по градусам, а по минутам, за которые кожа отдавала тепло.

— Дыхни, — вкрадчиво попросил он. — Глубоко. Не спеши.

Отец послушно втянул воздух, и его тут же скрутил сухой, изнуряющий кашель. Он судорожно прижал к губам платок, а когда отнял его, на белой ткани осталось крошечное темное пятнышко. Я заметил его сразу, но от страха тут же отвел глаза, уставившись на блестящую пуговицу докторского халата.

Фельдшер едва заметно кивнул, словно это пятно подтвердило его самые худшие догадки. Из глубин сумки он извлек латунный стетоскоп — длинную трубку с широкой воронкой. Металл застудил воздух комнаты, и когда воронка коснулась груди отца, тот мелко вздрогнул.

— Еще раз, — велел доктор. — Набери воздуха. Дай мне услышать.

Он медленно водил трубкой по исхудавшему телу, замирая то у ключиц, то у ребер. «Выдохни… Теперь задержи на миг», — командовал он. Я завороженно следил за движениями его руки, за тем, как сурово хмурился его лоб, и отчетливо понимал: доктор сейчас слушает тайный, страшный язык болезни, который мне, глупому мальчишке, разгадать не под силу.

Закончив выслушивать, фельдшер достал термометр — тонкую стеклянную палочку, внутри которой дремала темная нить ртути. Резким, привычным взмахом кисти он встряхнул его, бережно уложил отцу под мышку и прижал его руку одеялом. Пока тянулось томительное ожидание, доктор вынул резиновый молоточек, коротко постучал отца по коленям, проверяя сухожилия, а затем чуткими пальцами ощупал шею под челюстью — там, где прятались лимфатические узлы. Лицо лекаря потемнело еще больше.

Стеклянная палочка тихо звякнула, когда доктор вынул её. Он подошел к окну, ловя скудный дневной свет, долго вглядывался в деления и тяжело вздохнул.

— Жар высокий, — произнес он, обращаясь скорее к пустоте комнаты, чем к маме. — И в легких… нехорошо. Слышу хрипы. Черные хрипы.

Мама застыла у остывающей печи. В руках она сжимала пустой стакан, кажется, совершенно позабыв, зачем его взяла.

— Это… чахотка? — спросила она едва слышным шепотом, будто громкое слово могло окончательно отрезать путь к спасению.

Фельдшер не ответил сразу. Медленно, методично он убрал стетоскоп, спрятал термометр и со щелчком застегнул замок сумки.

— Похоже, что она, — наконец вымолвил он. — Но без рентгена утверждать не берусь. А аппарат у нас один на весь уезд — в городской больнице. Да и везти его туда теперь… — он осекся, но мы все всё поняли без слов. Дорогу отец бы не перенес.

Доктор достал из чемоданчика аптечный пузырек с темной густой жидкостью, затем отсыпал на клочок бумаги белый порошок и ловко свернул его в треугольный кулечек.

— Это микстура, — протянул он лекарства маме. — Поить, если кашель станет совсем душить. А это — хинин. По полфунтика утром и вечером, чтобы сбивать огонь. И главное — покой. Никаких мыслей о поле, о заботах. Пусть лежит.

Мама деревянными пальцами приняла склянку и бумажный треугольник, сжав их так крепко, будто эта горсть порошков могла удержать угасающую жизнь отца.

— А вылечить… вылечить его можно? — сорвался её голос, в котором уже не осталось надежды, а лишь сиротливая мольба о чуде.

Фельдшер обернулся на кровать. Отец лежал неподвижно, смежив веки, истощенный даже этим коротким осмотром.

— Сейчас я могу только облегчить его муки, — честно и горько ответил старый доктор. — Если бог даст, он еще поскрипит. Но болезнь сильная, злая. Окружите его теплом.

В ту самую секунду в моей двенадцатилетней душе что-то навсегда повзрослело. Я всё понял. Чуда не будет. Вылечить отца не получится, и нам осталось только одно — покорно ждать, когда он навсегда уйдет из этого мира.

III. Уход отца Владимира

— Отец ушел тихо, на самой кромке весны тысяча девятьсот пятого года, — глухо продолжал Вова, перебирая пальцами сухие стебли травы. — Хинин, который выписал фельдшер, больше не помогал — огонь внутри отца полыхал так, что сквозь высохшую кожу, казалось, просвечивали кости. Он таял, как мартовский снег. В последние дни он уже не мог говорить, только смотрел на нас с мамой огромными, провалившимися глазами, в которых застыла немая, разрывающая сердце, извиняющаяся тоска. За то, что оставляет нас и уходит так рано. Отец в последний раз посмотрел на меня, и из его глаз покатились слезы. Я в тот момент без слов понял, что он хотел сказать: «Я покидаю вас, сынок, ты теперь единственный мужчина и должен помогать маме».

А сама Наташа плакала навзрыд. Она не хотела, чтобы муж покидал её, но жизнь оказалась жестокой и нещадной. Мама сидела за столом, сжимая в руке платок и непрестанно вытирая слезы. В её душе бушевал огонь ярости от собственного бессилия и глухой безысходности. Сердце щемило, навалившись на душу тяжелым камнем, но изменить что-либо было не в её властях. Наконец она встала, подошла к кровати, где лежал муж, взяла его за руку и тихо произнесла:

— Прощай, милый. Будь спокоен, мы с сыном справимся. — Её слезы капали на его ладонь. — Я люблю тебя и буду любить всегда. Я так рада, что встретила тебя в этой жизни... Я буду жить ради тебя дальше, до тех пор, пока мы не встретимся снова.

Отец посмотрел на неё и из последних сил сжал её руку как мог, слабо улыбнулся сквозь слезы и закрыл глаза. Его рука безжизненно упала на кровать.

Я, глотая подступившие к горлу слезы, безмолвно пообещал ему: «Отец, я стану взрослым, ответственным мужчиной — таким же, как ты. Я всегда буду помогать маме, своей будущей жене и всем соседям. Я не опозорю твое доброе имя, спи спокойно». Я зажмурился, сдерживая рыдания, и запрокинул голову кверху.

Похороны отца я помню смутно, словно сквозь густой, липкий туман. Помню, как мужики-соседи — те самые, которым отец еще прошлым летом помогал чинить крыши и сеять хлеб — молча, стараясь не стучать сапогами по половицам, занесли в избу тяжелый сосновый гроб. Пахло свежей стружкой, воском и чем-то страшным, холодным. Округа пришла вся. Люди стояли у забора, скорбно опустив головы, ведь Дмитрия любили за его безотказное, золотое сердце.

Мама на похоронах не проронила ни слезинки. Она стояла у гроба — прямая, белая как мел, завернутая в черный вдовий платок. Лицо её будто окаменело, превратившись в безжиз-

ненную маску. Она уже простилась с ним наедине и выплакала все слезы до капли, поэтому теперь молчала. Местные кумушки шептались за её спиной: «Ишь, каменная, даже не всплакнет по мужу». Но я-то знал, что внутри у неё всё выгорело дотла. Когда гроб опускали в размытую весенней распутицей землю и комья глины глухо застучали по крышке, мама вдруг мелко, судорожно затряслась, но устояла на ногах. Только крепче сжала мою ладонь — так, что пальцы захрустели.

После похорон наша жизнь превратилась в медленное, серое выживание. Дом, который раньше дышал теплом и радостью, сделался холодным и пустым. Я, как и обещал отцу, сразу взялся за все дела по хозяйству. В мыслях даже не было жаловаться или жалеть себя — маме и так нездоровилось от тяжелой утраты, и я обязан был беречь её.

Мама работала как одержимая, до кровавых мозолей, хваталась за любую работу, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями. Но по ночам, когда она думала, что я сплю, я слышал, как она тихо, надрывно воет в подушку, прижимая к груди старую отцовскую рубаху. Болезнь не просто забрала отца — она выпила из мамы всю прежнюю жизнь, оставив лишь оболочку.

Четыре года мы пытались бороться с этой пустотой, — Вова поднял на Люду свои ясные, но полные взрослой печали голубые глаза. — Но стены старого дома душили маму. Она таяла там на глазах. И однажды она без сил произнесла:

— Сын, я хочу съехать отсюда. Больше не могу тут находиться, меня этот дом душит, он стал мне совсем противен... — сказала она, едва сдерживая очередные слезы.

Я всё понимал и просто послушно кивнул. Все эти долгие годы мы с мамой потихоньку собирали пожитки и копили на всё необходимое — в то время переезд на новое место был огромной, трудновыполнимой проблемой. Но мы всё же справились. И вот теперь мы здесь.

Вова закончил свой рассказ.

Люда смотрела на него сквозь пелену слез. Она прочувствовала всю его боль так остро, словно сама пережила эту трагедию от начала и до конца. Поддавшись порыву, она искренне, крепко прижала юношу к себе и прошептала:

— Вова, ты очень сильный парень. И ты до конца держишь обещание, которое дал отцу. Это слова настоящего мужчины.

В этот самый миг Люда окончательно приняла решение: когда настанет подходящее время, она первая признается ему в любви. Ей нужен был именно такой мужчина — надежный, мудрый, умелый, доказавший на деле, что он готов на всё ради своих близких.

Вова обнял её в ответ, и его мысли в эту минуту были почти такими же, как у Люды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.